

Этот способ отнимал колоссальное количество духовной силы.

Тело Юнь Лая, которое сейчас терзал Демон Сердца, совершенно не подходило для подобных дел. Стоило лишь чуточку переборщить с расходом духовной силы, как Демон Сердца тут же давал о себе знать, а если не повезет — навсегда перечеркнуть свой путь в бессмертие и отдать концы было проще простого.

Но.

Чжао Юй был его единственным учеником, да и отправиться на закалку к подножию горы предложил именно он. Даже если бы ему самому пришлось умереть, он был обязан спасти жизнь Чжао Юю. Впереди Чжао Юя ждали бескрайние перспективы, в то время как его собственный путь зашел в тупик.

Время поджимало. Юнь Лай нахмурился, отгоняя лишние мысли и стараясь не обращать внимания на ту странность. В конце концов, по сравнению с дрожью в костях и покраснением кожи во время приступов Демона Сердца, эта странность не стоила и упоминания.

Кончик языка уперся в верхнее небо, прижавшись к зубам, и первый слог техники заклинаний, предназначенной для сращивания меридианов, беззвучно сорвался с губ.

Кончики двух пальцев, соединявших Юнь Лая и Чжао Юя, словно две воронки, безумно затягивали духовную силу, скопившуюся в теле Юнь Лая, а затем через кости Дао вливали её в тело Чжао Юя.

Юнь Лай крепко сдвинул брови, его фигура слегка задрожала. Духовная сила утекала слишком быстро.

Если так пойдет и дальше, не пройдет и половины палочки благовоний, как его запасы духовной силы иссякнут. А может, и еще раньше — когда останется лишь капля, пробудится Демон Сердца.

Юнь Лай невольно сильнее надавил кончиками пальцев, на лбу выступили капельки холодного пота. Казалось, он не замечал этого: беззвучно шевеля губами, он стал читать заклинание еще быстрее, и в его сердце билась лишь одна мысль.

Придет приступ Демона Сердца — так тому и быть, он сможет стерпеть.

Чжао Юй не мог ждать, он не смел остановиться.

.....

Что же это такое могло быть?

Терпя боль в теле, Чжао Юй с затуманенным сознанием гадал об этом, как вдруг в районе боковой поверхности шеи вновь возникло едва ощутимое прохладное касание. На этот раз оно задержалось на несколько дыханий, а затем принялось скользить по его шее.

Это ощущение...

Неужели это пальцы Наставника?

Само собой разумеется, в памяти Чжао Юя вновь всплыла та внезапно появившаяся книжица. В ней было написано: пальцы Юнь Лая блуждают по шее Чжао Юя, и, отыскав исток костей Дао, начинают...

Внезапно это прохладное прикосновение, похожее на пальцы, остановилось прямо под его кадыком и легко надавило.

Совсем не больно, напротив — до нелепости легко. Но именно эта легкость перекрыла всю боль в разных частях тела, заставив его прочувствовать её с предельной четкостью.

Его мысли застопорились, строки из книжицы расплылись. Всё его внимание оказалось приковано к этому неожиданному нажатию.

Всего на несколько мгновений замерло дыхание, как мощный импульс прорвался из того места, лавиной увлекая за собой бесконечный холод, и через кожу и кости Дао устремился внутрь.

Этот холод был пронизывающим до мозга костей, от него Чжао Юю казалось, что его кости сейчас раскрошатся.

При этом напор оказался невероятно диким: холод ринулся от костей Дао прямо вниз, словно намереваясь сокрушить все его внутренние органы внезапным ударом.

Внезапная боль заставила Чжао Юя содрогнуться всем существом. Это была не та боль, что чувствуешь при переломе конечностей — казалось, кто-то медленно, крошечным ножичком, соскребает мясо с его костей.

К счастью, он обладал завидной выносливостью и с трудом стерпел это, не издав ни звука.

Но от такой боли...

Сердце Чжао Юя ушло в пятки. Воспоминания о книжице под названием Предначертание всплыли вновь, проносясь перед глазами чередой картинок и застыв на моменте, где Юнь Лай вырывает кости Дао у Чжао Юя.

Он не хотел думать об этом эпизоде, но слова роями назойливых мух жужжали у него в голове.

Юнь Лай из книжицы и Наставник, стоящий рядом с ним...

Один и тот же человек?

Нет, быть того не может!

Однако боль становилась всё сильнее. Настолько сильной, что Чжао Юй едва мог её выносить, но вдруг она на несколько мгновений поутихла, позволив ему перевести дух.

Однако он даже не успел толком обо всем подумать, как на него обрушился еще более жгучий, обжигающий кости лед, принесший с собой невыносимую муку.

То, что было до этого, казалось лишь тишиной перед бурей.

Чжао Юй крепко сжал зубы и вдруг обнаружил, что к нему возвращается слабый контроль над веками и другими частями тела.

Но даже претерпевая такую боль, он не издал ни единого стога, и его тело не выдало себя ни единой дрожью или движением. Он раз за разом повторял про себя: Наставник исцеляет меня, нельзя шевелиться.

И всё же весы в его душе незаметно склонялись к тому, о чем говорилось в книжице.

Слишком уж всё совпадало.

Каждый нынешний поворот событий словно подтверждал описанное на страницах.

Но сомнение длилось лишь мгновение, после чего Чжао Юй яростно отбросил его.

Это всего лишь целительный метод Наставника.

В юности он слышал, что некоторые люди соскребали с костей мясо ради исцеления. Подумать только, боль при лечении — это абсолютно нормально.

Возможно, чем тяжелее рана, тем более жуткую, граничащую со смертью боль приходится испытывать при выздоровлении.

Только следом за этим, начиная с того самого позвонка на шее, остальные кости Дао пришли в движение, укутанные ледяным холодом, а все меридианы в теле словно оборвались. Дикая, невыносимая боль мешала ему сосредоточиться.

Неужели Наставник...?!

В тот самый момент, когда он пребывал в полном оцепенении, знакомый прохладный голос внезапно взорвался в его Море Души:

Как же... как же так...?!

Мхм... так хочется...

Еще ближе, коснись еще, еще хоть немного...

Это что —

Иллюзия?!

Демон кошмаров должен был окончательно рассеяться, и он больше не мог погружаться в иллюзии.

Но этот голос прозвучал с кристальной четкостью вновь.

Юнь Лай, как ты можешь... Нельзя, нельзя же...

Он почти не отличался от голоса Наставника, разве что в нем исчезла обычная холодность, сменившись некой беззащитной мягкостью. Словно хрупкий цветок во время ливня, у которого нет укрытия: ему остается лишь держать тоненький стебелек навстречу свирепому ветру, раскачиваясь под ударами дождя так, что он готов сломаться и упасть в грязь, пачкая свернувшиеся в комок нежные лепестки.

Чжао Юй неожиданно для себя подумал, что он никому не позволит испачкать этот цветок грязью. Он унесет его на вершину снежной горы и будет бережно охранять.

Нет.

Ему следовало настороженно отнестись к этой слабости в голосе.

Разве Наставник мог так говорить? Этот голос наверняка был лишь плодом воображения, порожденным болью.

Пока он размышлял об этом, он вдруг почувствовал сквозь боль жар... прямо там, где шея переходила в плечи. Казалось, ладонь Наставника прижалась к этому месту.

Эта обжигающая температура едва ли не прожгла кожу, передаваясь прямо в сердце Чжао Юя.

Его мысли замерли. Рука Наставника замерла на мгновение, а затем легко заскользила по его коже, играя с кадыком.

<http://bllate.org/book/26556/3179421>